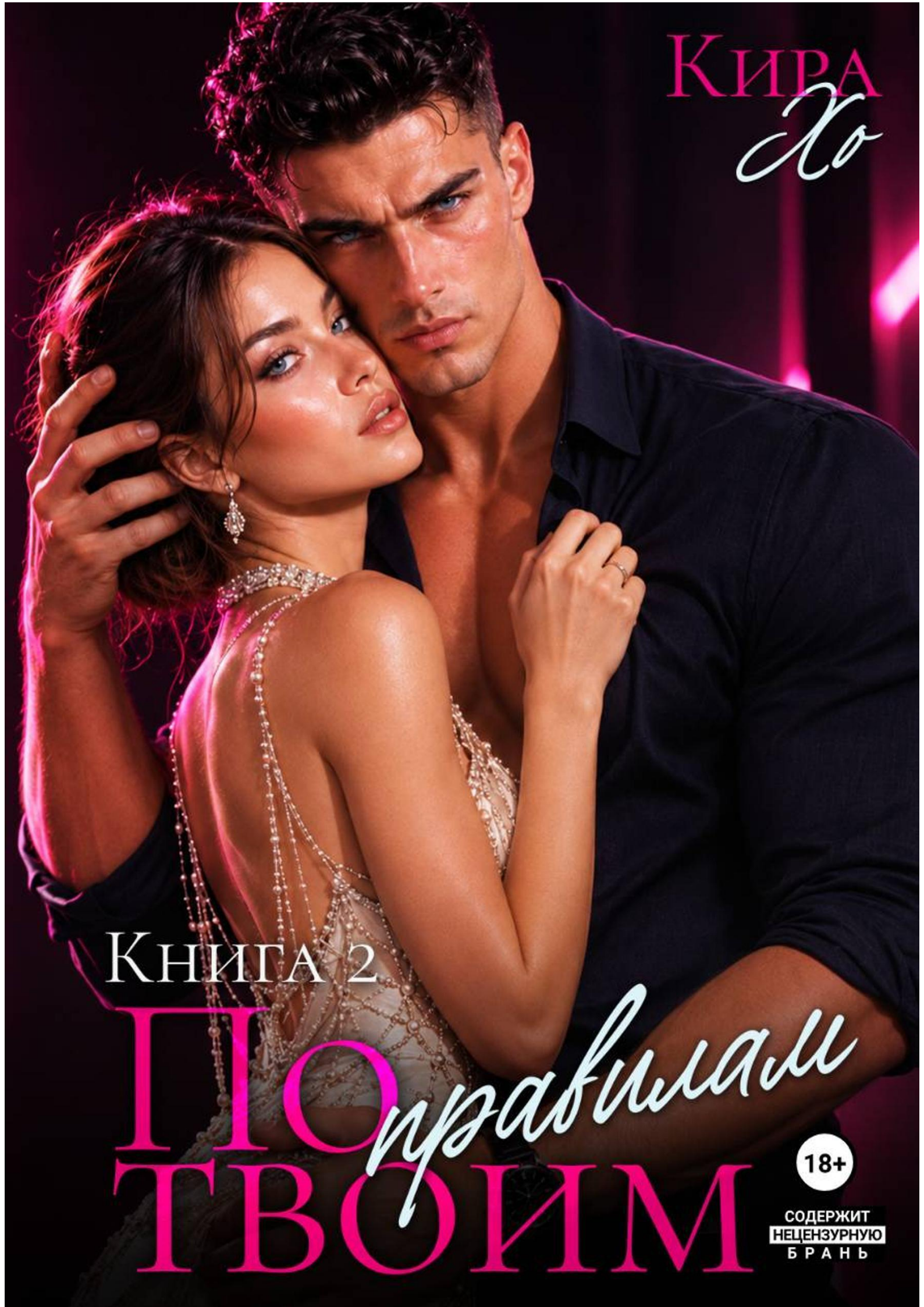

Кира Хо
Книга 2
По твоим правилам
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Кира Хо

По твоим правилам

«Автор»
2026

Хо К.

По твоим правилам / К. Хо — «Автор», 2026

– Я сделаю всё, что ты попросишь, если ты защитишь моих родных.– Даже если я скажу жить по моим правилам? – вскидываю бровь, наклоняя голову в бок.Бэмби отвечает на взгляд упрямо. Даже немного зло. А затем её пальцы не глядя находят мои и обхватывают их, посылая по телу разряды электричества.– Даже если мне придётся остаток жизни существовать по твоим правилам, – говорит уверенно и уже тише добавляет: – Я на всё согласна.***Он отправил меня домой, и я была уверена, что нам больше не суждено встретиться. Но когда происходит действительно страшное, он – единственный, кто может мне помочь.

© Хо К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кое-что произошло 5
Глава 2. Всё, что необходимо 8
Глава 3. На всё согласна 11
Глава 4. К тебе домой 14
Глава 5. Я не позволю 17
Глава 6. Мне мало 19
Глава 7. Не отпускай 22
Глава 8. Если я… 24
Глава 9. Не только я 26
Глава 10. Будет, как и было 28
Глава 11. Знакомство 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Кира Хо
По твоим правилам

Глава 1. Кое-что произошло

Римма

Наверное, октябрь – лучшее время в нашем городе. Уже нет такой жары, как в августе и сентябре, но при этом ещё нет грязи и холода. Зато есть все краски осени, которые видны даже ночью. Точнее сказать именно ночью это всё выглядит, как правда жизни. Мир потихоньку умирает в темноте, чтобы потом возродиться. Жаль, что не всегда то же можно сказать и про людей.

Я люблю смотреть на деревья, что скидывают листву, особенно, если в этот момент мне дают подумать. Просто покопаться в своей голове и прийти хоть к какому-то итогу. Чтобы было легче прожить хотя бы ещё один день. Раньше такой потребности у меня не было, но за последние тридцать пять дней я только и делаю, что думаю. И я вовсе не уверена, что это мне на пользу.

Прошёл месяц с той ночи, когда я уезжала от Адиля. Честно сказать, мне кажется, что часть меня всё ещё сидит посреди прихожей той квартиры, только теперь она плачет не потому, что её туда привезли, а потому что основную часть забрали. Влиться в прежнюю жизнь оказалось немного сложно, хотя бы потому, что теперь в моей голове не только мама и братья, но и он. Человек, который умудрился своим хладнокровием вскипятить мои внутренности, а затем превратить их в фарш.

Но что удивительно – я на него не злюсь за это. Я вообще ни за что на него не злюсь. Потому что я ещё в первые дни поняла, где оказалась и что он за человек, но тем не менее, всё равно позволила себе влюбиться. Позволила делать всё, что делал он, и при этом злилась на него от силы несколько часов. Потом же мою память будто подчищали, и я снова могла видеть того, кому необходима хоть какая-то компания. Возможно, мне только хотелось видеть, что что-то знакомое человечеству в нём ещё осталось. А, возможно, оно действительно проскальзывало, но настолько неуловимо, что не смогло задержаться.

И даже несмотря на этот мучительный вдали от него месяц, я верю, что первое более вероятно.

Пожалуй, самым шокирующим для меня стал тот факт, что когда я вернулась, мои родные жили в достатке. И даже больше. Мама встретила со слезами на глазах и поблагодарила меня за то, что я передала им деньги вместе с мужчиной. На вопрос “с каким?”, я получила удивлённый взгляд и тихое “ну как же… высокий такой, блондин”. И я поняла, что это был Сева. Точнее, Адиль его руками.

Он содержал мою семью всё то время, что я была у него. Не спрашивая, не требуя отдать эти деньги. Делал это просто потому, что знал, насколько они нуждаются во мне. Он помог братьям собраться в школу и даже более того – оплатил их обеды до конца года. И в то мгновение, когда я узнала об этом – я поняла, что не зря что-то в нём увидела. Потому что оно там есть. Адиль прячет это за плотным слоем агрессии к миру и ненависти к людям, но оно есть.

Я отправила маму в санаторий, как только нашла работу. Оставшихся денег вполне хватало на её восстановление, и, чтобы мы с братьями тут прожили до первой зарплаты, так что это показалось мне честно. Адиль дал деньги, чтобы моя семья хотя бы немного почувствовала себя “на ногах”, и справедливо было отдать эту “опору” именно маме. Единственный минус –

работа ночная, и мне приходится отправлять Максима с Антоном к друзьям, чтобы не сидели ночью одни дома. Сколько бы я ни пыталась убедить себя, что они уже взрослые – не выходит.

А вот устроиться куда-то оказалось сложнее, ведь теперь в моём резюме есть пометка “грубое нарушение. Прогулы”. И с такой “красотой” меня взяли лишь в бар. Опять. И снова эти пьяные, хамоватые придурки, которые считают, что за десять процентов чаевых я просто обязана сделать всё, что скажут. Они действительно в большинстве своём в этом уверены.

Сейчас я иду домой, где меня ждёт лишь пустота, прекрасно осознавая, что где-то недалеко за мной едет чёрная тонированная машина. Первые дни я её боялась. Пока однажды чисто случайно не увидела в ней Севу. Сначала хотела подойти и спросить, зачем он это делает, но потом… я не смогла. Побоялась, что моих сил не хватит, чтобы узнать правду, какой бы она ни была.

Адиль отправил его потому, что переживает за меня? Или потому, что переживает, что я сделаю какую-то дрянь? В обоих вариантах я бы не смогла продолжать делать вид, будто не было того месяца в его доме. А я очень пытаюсь забыть, но будто себе не принадлежу, стоит только оказаться один на один с ночной темнотой и потолком, который словно шепчет: “вспомни его руки. Губы. Помнишь, как он целовал тебя тогда? Скорей всего сейчас он также целует другую”. И я… расклеиваюсь в такие моменты.

Всегда считала себя сильным человеком, пока не вернулась домой…

Ровной поступью поднимаюсь по лестнице, доставая на ходу ключ. Открываю дверь квартиры и замираю. Вокруг темнота, но кое-что заставляет меня даже задержать дыхание – хруст под моими ногами. И я уверена, что, когда уходила, здесь не было ничего.

Первая мысль – мальчишки вернулись несмотря на то, что я ругала их за такую самовольность. Но если бы оно было так, то я бы видела свет из их комнаты. Или хотя бы рассеянный луч от экранов смартфонов.

Однако ничего нет. Ни звуков, ни света. Кажется, я в этой глобальной тишине слышу даже биение своего сердца.

Медленно тянусь к выключателю и, щёлкнув им, резко вдыхаю кислород в лёгкие, которые тут же начинают гореть. Вокруг хаос. Полнейший. Во всей квартире двери нараспашку, вещи валяются, а часть из них даже разбита. Окна тоже. И от этой картины у меня начинают трястись руки. Слёзы паники тут же захлёстывают с такой силой, что единственное, что я делаю – крепче цепляюсь в ручку двери и продолжаю смотреть.

В голове одно предположение: ограбили. Но кто? И зачем? У нас ведь абсолютно нечего брать! А если это какой-то маньяк, что разнёс квартиру, не найдя никого в ней? Просто потому, что психанул. А что, если он вернётся и сделает это, когда мама и братья будут дома? А что, если это те же люди, что затащили меня на аукцион? Вдруг им показалось мало, и они решили запугать меня так? Или что ещё хуже – опять выставить в качестве лота.

Тело не слушается меня. Совершенно. Но каким-то чудным усилием я заставляю его выйти за пределы квартиры и спуститься на улицу. Захлёбываясь слезами, иду к уже знакомой машине и стучу в окно. Несколько секунд не происходит ничего, так что я уже успеваю подумать, что мне показалось и там нет помощника Адиля, но ещё через мгновение стекло опускает и передо мной показывается хмурый Сева.

– Что случилось? – спрашивает моментально.

– Квартира… Там… – жую слова, то и дело вытирая жидкости со своего лица, однако я не могу сказать ничего связного. Всё выходит каким-то рваным, дёрганым, будто я вот-вот упаду в обморок.

Сева практически вылетает из машины и, придерживая меня, помогает сесть на заднее сиденье, а затем ровным шагом уходит к подъезду, закрыв перед этим машину на замок. Возвращается он через несколько минут и уже не хмурый, а злой. Садится на водительское сиде-

нье, из-за чего я вижу его напряжённые плечи, но не вижу, что именно он делает. Лишь спустя несколько секунд я слышу гудки.

И его тихий голос:

– Адиль, кое-что произошло…

Глава 2. Всё, что необходимо

Для того, кто большую часть жизни верил, что любовь – это слабость, эта встреча оказалась ударом. По установкам. По ценностям. По чувствам.

Адиль

– Вика, зайди, – кидаю в трубку рабочего телефона и откидываюсь на спинку кресла, делая глоток вискаря.

Выдыхаю протяжно, когда жидкость проходит по гортани и опускается в желудок, но при этом ничего не чувствую. Будто пью воду.

Бля, да за этот месяц в моём организме столько алкоголя растеклось, что если я вдруг захочу стать донором, то буду сдавать не кровь, а вискарь. И всё из-за бессонных ночей. Из-за мыслей о том, какая тварь решила покопаться в моём доме и попыток найти Гронского. Бесконечных, сука, попыток. Каждая из которых заканчивалась провалом, потому что стоило нащупать нить и она обрывалась. Это злит.

Кажется, теперь я точно забыл, что такое спокойствие. В первую очередь из-за понимания: если пытаются добраться до меня, то рано или поздно они придут на порог Рустама. И я не сомневаюсь в своём брате, а точнее, я уверен, что он сможет защитить и себя, и свою мышку. Однако проверять не хочется. Ведь мы, как никто, знаем, что дёргать судьбу за хвост нельзя: иногда она злится и кусает руку, отгрызая её по самый локоть.

Дверь в кабинет открывается и заходит невысокая, стройная брюнетка. Смотрю на неё, едва сдерживая усмешку, потому что эту секретаршу выбирал Сева. А усмешка появляется потому, что мой друг настолько выучил меня, что почти попал в яблочко. Чёрные, длинные, прямые волосы, на лице ни грамма пафоса и едва заметная полуулыбка. Никакой яркой внешности, но при этом такая ебабельная, что, едва взглянув на неё – член требует его выпустить.

– Кофе? Воды? – шелестит тихо, подходя ближе.

– Иди сюда, – киваю на свои колени, отъезжая на стуле, и она покорно идёт.

Когда оказывается прямо напротив, садится на одно моё колено, из-за чего её юбка задирается, а тонкие пальчики тут же скользят на мой затылок и едва надавливая, чешут “ёжик” на нём. В нос ударяет сладкий аромат, перемешанный с запахом кофе. Приятное сочетание, но почему-то кажется, что что-то не так.

– Ты почему ещё здесь? – спрашиваю, расстёгивая одну пуговицу на белоснежной рубашке, двумя пальцами, открывая упругую грудь.

– Вы ведь ещё здесь, – выдыхает, подаваясь вперёд и подставляя своё тело.

Покрываю поцелуями её ключицы и даже не спускаясь ниже завожусь. Прям с полпинка. Она чувствует это, тихо стонет и тянется, чтобы поцеловать.

И почему все они забывают, что это бесполезно? Увожу лицо в сторону, из-за чего Вика натыкается губами на скулу, но её это не останавливает. Покрывает следами блеска для губ мою шею, расстёгивает рубашку и уводит их ещё ниже, чтобы затем подняться снова. Её ладони скользят по моей груди, и одна уходит вниз. Накрывает пах, едва надавливая и обхватывая член через ткань штанов. Она сама же с этого загорается так, что начинает елозить.

– Давай вниз, – хриплю, сжимая ладонь на упругой заднице, и она послушно сползает на колени к полу.

Её пальчики с нежным маникюром начинают медленно расстёгивать пряжку ремня, а за ней пуговицу и ширинку. Приподнимаю бёдра, позволяя снять шмотки и едва, ствол высвобождается – Вика обхватывает его ладонью, а я выдыхаю сквозь зубы.

Но как только я снова откидываюсь на спинку кресла, готовый трахнуть рот своей секретарши, как мой телефон разоряется из-за звонка.

– Продолжай, – бросаю Вике и не глядя отвечаю на вызов.

Но я не успеваю даже ничего сказать, как слышу голос Севы:

– Адиль, кое-что произошло…

Несколько коротких слов от друга заставляют меня напрячься, и потому я моментально останавливаю Вику, хватая за волосы на затылке, а затем отодвигая её, поднимаюсь. Одним движением заталкиваю "друга" обратно в боксеры. Почти чувствую вибрацию по всему телу, но упрямо сдерживаю её.

– Что? – роняю глухо.

– Хату вынесли, – даже не видя я понимаю, что Сева напряжён. – Точнее, разнесли.

– Бэмби?.. – спрашиваю, отходя к окну и лишь слышу, как Вика встаёт, оставаясь ждать.

– Нормально, она была на работе.

Не могу понять почему, но из грудины рвётся судорожный выдох. Я же, блять, чисто ради подстраховки отправил к ней Севу…

***

– Адиль, нет, – обрубил друг жёстко. Жёстче, чем обычно позволял себе, но я мог его понять.

– Сева, да, – вскинул бровь, откидываясь на кресле. – Возьми ещё человека, будете меняться. Последите за ней какое-то время и если всё будет чисто – вернёшься.

– Ты вчера чуть не застрелил меня, потому что в твою квартиру пытались забраться, а сегодня просишь меня быть нянькой для какой-то девчонки и оставить тебя одного?! – практически вопил от негодования.

– Невидимой нянькой, – поправил его. – Римма не должна знать, что ты следишь за ней.

– Да ты, блять, прикалываешься?! – я видел, что он на грани от того, чтобы полезть со мной в драку, но Сева держался.

Едва я сказал это, как мне показалось, что он в ту же секунду меня ударит. Просто чтобы вырубить на какое-то время. Хер знает, может, Сева хотел, чтобы я пришёл в себя. Но я не был не в себе… точнее, был, но не так, как он думает.

– Нет, Сев, – посмотрел на него спокойно. Уверено. – Ты сделаешь это для меня.

– Зачем, блять? – рявкнул друг, наконец сдаваясь и усаживаясь в кресло напротив.

– Потому что… – я запнулся.

Если честно, так и не смог ответить на этот вопрос, ни тогда, ни после, ни через неделю. День за днём крутил эту мысль в голове, пытаясь договорить хотя бы для себя, но все попытки оказались бесполезны. Я просто знал, что это будет правильно. Или я сам себе это внушал так технично, что поверил в это…

***

– Где она сейчас? – спрашиваю глухо, поправляя ворот рубашки и прочищая горло.

– Со мной в машине, мы около её дома, – почему-то уверен, что он хмурится.

– Дай ей трубку, – хриплю, чувствуя, как в горле пересыхает.

Слышится шуршание. Оно кажется вечностью, потому что за эти несколько секунд я успеваю представить всё самое страшное. Перед глазами картинки, где она избитая, потрёпанная или что ещё хуже… использованная. Я знаю, понял, что до этого не дошло, что её не выловили, но подсознанию не докажешь. И я успеваю от этого дико взбеситься. А затем я слышу едва слышный, тихий всхлип.

– Адиль…

Всё обрывается, словно натянутый канат всё же треснул. Всё, что я внушал себе эти тридцать пять дней, рушится от одного звука, подобно кирпичной стене, о которую ударили молотом. С грохотом, пылью и дрожью. И ощущение, будто рёбра выкручивают, становится только

сильнее от каждого вздоха. Я ненавижу это чувство. Я ненавижу, что от этого звука внутри просыпается что-то давно забытое. Кто-то внутри начинает рыть яму, пытаясь сорваться с цепи. Он воет. Он скулит. Он просит дать ему выйти и делает это слишком настойчиво.

– Всё будет хорошо, – давлю сквозь спазмы в глотке. – Я сейчас приеду. От Севы ни на шаг. Ты в порядке?

– Да, – ещё один всхлип, что режет по душе острым лезвием.

– Не плачь. Я еду, слышишь? – и снова давлю это хрипом.

Не уверен, но думаю, она кивает. А затем я слышу плач и снова шуршание, после которого друг говорит:

– Отвезти её к тебе?

– Нет. Оставайтесь там. Я приеду сам.

И тут же обрываю вызов, разворачиваясь на пятках. Иду в смежную комнату, не обращая внимания на Вику, которая всё также стоит у стола. Уже в комнате скидываю с себя рубашку, расстёгивая каждую пуговицу дрожащими от злости пальцами, и переодеваюсь в свитшот, прокручивая в голове, что я скажу сейчас Римме. Как буду смотреть ей в глаза, когда снова её оставлю. Потому что я не намерен опять впускать её в свою жизнь, но и сделать вид, будто она не страдает – я не могу.

Ведь в этот же момент меня озаряет: в мою квартиру залезали не ради меня. Туда пытались залезть из-за неё. И раз они повторили это во второй раз, значит, и третий будет. Вопрос лишь в том, попадётся ли Бэмби им под руку.

Я очень надеюсь, что я ошибаюсь. Что за Риммой не ведётся какая-то призрачная охота и это всего лишь совпадение. Но если в моих силах понять, кто это делает и зачем, значит, я помогу. Отправлю её и всю её семью в другую страну. Сменю им документы и дам спокойную жизнь в достатке. Потому что могу. Потому что она это заслужила хотя бы тем, что не стала сукой, находясь рядом со мной столько времени.

Потому что она осталась собой. И это понятно даже по телефонному разговору. Точнее, по тому, как она всё ещё произносит моё имя. Словно я – единственный, кто может её закрыть. Единственный, на кого она может положиться.

И пускай нам обоим снова будет больно, но я сделаю всё, что необходимо.

Глава 3. На всё согласна

Он увидел её в толпе. Она смеялась так звонко, что даже гомон голосов сотни студентов был не в силах заглушить этот звук.

Звук, который прорезал его сердце.

Адиль

Я даже не особо понимаю, как и за сколько оказываюсь возле её дома. Только помню, как сел в тачку и уже паркуюсь рядом с машиной Севы, а друг выходит из неё и подходит ближе, как раз в тот же момент, когда я оказываюсь на улице. Я вижу, насколько он подгружен, несмотря на то, что вокруг ночь, а в этом районе забыли, когда в последний раз ремонтировали фонари.

– Внутри был? – спрашиваю без приветствия.

– Да. Там пиздец, – кивает коротко.

– Останься с ней, – роняю и иду к подъезду ещё до того, как Римма выйдет из машины и окажется рядом со мной.

Нет, я не избегаю её. Просто хочу оттянуть тот момент, когда она посмотрит на меня своими огромными голубыми глазами, и я рассыплюсь. Уверен, что рассыплюсь. Потому что я всё ещё чувствую себя паршиво из-за того поцелуя, ведь для неё он означал не то же, что для меня.

Потому что я целовал не её.

Однако, не успеваю я даже зайти в квартиру, как слышу ещё две пары шагов позади себя. Только поворачиваюсь к Севе и смотрю на него укоризненно, на что он пожимает плечами. Между нами происходит немой диалог, в котором я показываю ему уйти и осмотреть квартиру ещё раз, но уже получше. Чтобы найти признаки того, что я ошибаюсь. Или нет…

– Адиль, – Римма тут же бросается ко мне, цепляясь за моё предплечье своими пальчиками. – Я боюсь. А если бы братья были дома? Или мама? Кто это сделал? Что им нужно? – сыплет вопросами одним за другим, не переставая при этом плакать.

Даже не так. Рыдать. Она буквально давится своими слезами, и это раздражает меня. Как и любые женские слёзы, потому что это единственное, на что я не могу повлиять. На эту боль, что сочится вместе с влагой.

– Успокойся, – тянусь свободной рукой, вытирая костяшками пальцев слезы с её щеки, хотя это и бесполезно. – Не плачь. Помнишь, что я про это говорил? – хриплю тихо и – о чудо! – она затихает.

Не перестаёт дрожать, судорожно глотать воздух, и слёзы всё ещё катятся по щекам, но теперь хотя бы делает это максимально беззвучно. И эту тишину я использую, чтобы собрать мысли воедино. Правда, не успеваю.

Её маленькое тельце врезается в меня с такой силой, что от неожиданности меня слегка ведёт. Бэмби вжимается в меня, обхватывая руками моё тело, и я чувствую, как её пальцы сжимают мою кофту на спине. От неё по-прежнему пахнет яблоками и мятой, только теперь этот аромат ярче, будто когда она была у меня – я гасил его. И она всё ещё хрупкая. Настолько, что у меня каждую мышцу сводит от злости на того, кто посмел её обидеть.

– Помоги, Адиль, – сипит сквозь слёзы. – Пожалуйста, помоги хотя бы моим родным.

Тело реагирует быстрее мозга. Так что через секунду я уже обнимаю её в ответ, прижимая к себе. Это больше жест успокоения. И я вообще не уверен, кого успокаиваю в данный момент.

Я просто сжимаю пальцами её кофту, волосы, едва сдерживаюсь, чтобы не уткнуться носом в тёмную макушку и не вдохнуть полную грудь аромата, что ещё неделю после её ухода мерещился мне.

– Я сделаю всё, что ты скажешь, Адиль, – продолжает бормотать в мою грудь. – Скажешь замолчать навеки – сделаю. Скажешь стать твоей горничной в том ужасном костюме – сделаю тоже. Только помоги.

Из меня непроизвольно рвётся тихий смешок просто потому, что слышать от неё такие слова – удивительно как минимум. И я только собираюсь открыть рот и ответить, что ничего мне из этого не надо, как появляется Сева. Его вид кажется мне слишком хмурым, а то, как он молча подзывает меня к себе – настораживает.

Кое-как отдираю от себя Бэмби, оставляя стоять её посреди гостиной, и молча иду к другу. Смотрю на него вопросительно, но он лишь уводит меня в комнату. И если вся остальная квартира показалась мне разгромленной, то именно в эту спальню упал снаряд. Здесь реально всё стоит вверх дном, а в стенах ещё и виднеются дыры, как от пуль.

– И зачем это? – тяну в пространство, проводя пальцами по осыпающейся штукатурке, очерчивая контур. И да – это пули.

– Я думаю, это просто выпуск эмоций, – констатирует Сева за моим плечом.

– Думаешь оттого, что не нашли её? – поворачиваюсь к нему.

Он кивает, убирая руки в карманы, и мы переглядываемся. Оба прекрасно понимаем, что Римму кто-то ищет, но кто? Кому это божье создание умудрилось перейти дорогу? И не причастен ли мой отец к этому, просто чтобы мне нагадить? Но он же не в курсе, кто она и что делала в моём доме. Да и ему нет особого смысла вскрывать мою квартиру, ведь он может просто постучаться.

– Что думаешь делать? – Сева спрашивает так, будто у него есть гениальная идея, но он хочет, чтобы я сам до неё додумался.

– Говори, – выдыхаю устало.

– Если ты хочешь её просто спрятать, то я завтра же сделаю им всем документы, но… – тянет загадочно.

И я понимаю, к чему он ведёт. Понимаю, сука, однако отказываюсь к этому приходить.

– Мы не будем использовать Римму, как приманку, – качаю головой.

– Даже если это те же люди, кто пытался вскрыть твой дом? – вскидывает светлую бровь, чем раздражает во мне каждый нерв.

Сева ведь понимает, как жёстко по мне бьёт та ситуация, и пользуется этим.

– Я не буду использовать её, как вещь, Сев, – качаю головой.

Потому что я, блять, прогнал её, чтобы не подвергать опасности, а теперь своими же руками в эту опасность толкну? Нет уж. Только если я окажусь мёртвым и вместо меня кто-то другой будет управлять моим телом.

– А если ты отправишь её, но они всё равно её найдут? – продолжает давить на ту часть моего разума, которая всё ещё способна мыслить хладнокровно.

Но я не успеваю ничего ответить, потому что в комнату входит Бэмби и замирает на месте, глядя на то, как разнесли эту спальню. Она прижимает ладони к свитеру на груди и, приоткрыв рот, оглядывается. Её глаза снова наполняются слезами, и я вижу, как подступает истерика. И, прежде чем это произойдёт, я в два шага оказываюсь рядом, цепляя пальцами её локоть, и вывожу оттуда.

Однако вопреки моим мыслям Римма не истерит. Она снова смотрит на меня уже более упрямо, и едва мы останавливаемся, тихо давит:

– Я сделаю всё, что ты попросишь, если ты защитишь моих родных.

– Даже если я скажу жить по моим правилам? – вскидываю бровь, наклоняя голову в бок.

Бэмби отвечает на взгляд упрямо. Даже немного зло. А затем её пальцы не глядя находят мои и обхватывают их, посылая по телу разряды электричества.

– Даже, если мне придётся остаток жизни существовать по твоим правилам, – говорит уверенно и уже тише добавляет: – Я на всё согласна.

Глава 4. К тебе домой

Впервые в жизни он не знал, что сказать. Да и что тут скажешь, когда два серых глаза смотрят так пристально, будто пытаются залезть под кожу. Но всё, чего он хотел – знать её имя. Это ведь мелочи…

Адиль

Я посадил Римму в свою машину. Знаю, что у неё был вариант ехать с Севой, но теперь отчего-то ощущение, что если я моргну дольше положенного, то случится непоправимое. Возможно, во мне трезвонит прошлое. Возможно, эта девушка забралась глубже, чем я думал. Но вот что точно: я не могу заставить себя не заботится о ней. Словно, ей это необходимо, хотя она прекрасно справлялась и без меня все свои двадцать лет.

Мы едем по ночном городу, и я скорее ощущаю, как Бэмби смотрит на меня. Украдкой, исподлобья, но смотрит, будто я могу выпрыгнуть в окно и отказаться от своих слов.

Блять, да. Я согласился ей помочь. С одним условием: я помогаю её близким, но она останется со мной. И я не могу с уверенностью ответить: я сделал это из-за предложения Севы или потому что хочу её рядом.

Я разъёбан как никогда.

Мы поднимаемся на нужный этаж молча, и дверь хаты я тоже открываю без стука, но брат по-любому слышит. Либо же его оповестила система. В любом случае – мы уже не внезапные гости.

– Привет, – шелестит Римма, глядя на ахуевшего Рустама, как только он выходит к нам.

– Здравствуй, – не сразу отвечает брат, а потом впивается взглядом в меня.

Не хочу выслушивать этот обмен любезностями и почти буквально подталкиваю Бэмби в гостиную, усаживая её на диван, а затем также без приглашения иду на кухню, чётко улавливая, что брат идёт за мной.

– И как это понимать? – Рус поглядывает на Римму с сомнением, а потом ведёт взглядом в мою сторону. – Я думал, что ты попрощался с оленёнком.

– И я так думал, – выдаю задумчиво. – А потом мне позвонил Сева и сказал, что к ней в хату залезли.

– Бля, – судя по взгляду, его откидывает в прошлое, причём в моё. – Похоже на обычное ограбление или...?

– Или, – киваю. – Я тоже сначала подумал на ограбление, учитывая, в каком районе она живёт, но… – сам лезу к бутылке и сначала наливаю в стакан, а потом его же отставляю, потому что вспоминаю, что за рулём. – Но потом Сева нашёл дыры от пуль в стене её спальни.

– Конечно, это может быть просто дебильным совпадением, – задумчиво тянет, глядя на бутылку виски. – Тебе не кажется, что это может быть как-то связано с попыткой проникнуть в твою квартиру?

– Именно поэтому я здесь, – сажусь на стул, откидываясь на спинку. – Хотел отправить её куда-нибудь подальше со всей семьёй, но Сева предлагает сыграть на живца, – смотрю на Руса, ожидая, когда он подавится возмущением.

– Пиздец, – выдаёт самое очевидное, что у меня самого крутилось на уме, когда услышал предложение друга. – Это не вариант. Давай помогу сменить им всем документы и отправим куда подальше от подобной херни.

– И об этом я тоже подумал, но потом Сева опять проявил чудеса логики, – хмыкаю, устало потирая глаза.

Если честно, я хочу просто лечь трупом и лежать, а не вот это вот всё.

– Какова вероятность, что её ищут не из нашего круга? – смотрю пристально на него. – Если захотят, найдут под любым именем.

– Если рассуждать в подобном ключе, то приходят именно за Риммой, а не за её родными, – рассуждает вслух. – Давай сменим доки её родным и отправим их. А вот она… С тобой ей, конечно, будет безопаснее. Наверное… Ты как вообще? Выглядишь не очень.

– Впрочем, ничего нового, – усмехаюсь. – Да, именно это я и хотел сделать. Только вот… У неё в квартире? Я скорее на стену полезу, чем буду делить обед с тараканами. У меня – не вариант. Они уже знают, что им не залезть туда.

Беру в руки стакан, кручу, глядя на вискарь. Просто засматриваюсь на эту воронку и думаю. Но в голову нихера не идёт.

– Мне нужна квартира. Или дом. Я даже хер знает как лучше, – веду плечом.

– После той ситуации, я бы не доверял полностью только системе безопасности. Может нанять охрану? И тогда самый идеальный вариант – дом.

– Но и слишком очевидно я не расставлю охрану, потому что, судя по всему, те, кто это делают – не долбаёбы. Они же вывели из строя систему безопасности, – тут же в памяти всплывает, как Рус это всё выяснял и матерился, узнав, что её оффнули тем самым вирусом, что запустили перед раутом.

Нас жёстко нагнули, при этом даже почти не напряглись. Увели внимание на счета и активы компании, пока сами взламывали охрану. Они сделали все грамотно, точно понимая, на что мы обратим свой взор в первую очередь.

– Тогда можно совместить, – стучит пальцами по каменной столешнице. – У меня есть обновлённая прога. Плюс охрана. Не вижу других вариантов.

– Можно мне просто склеп, где меня не будут трогать? – откидываю голову к потолку и сам же выдаю смешок, понимая, что тогда мне будет скучно существовать. – Ладно, минутка пиздостраданий закончилась. В течение какого времени ты сможешь выручить?

– Три-пять дней, если начать уже сегодня. Потому что мне нужно залезть во все базы, где они есть и подчистить хвосты. Иначе смысла в смене доков вообще нет, – вздыхает немного устало. – Они быстро выйдут на её близких и могут через них пытаться шантажировать Римму.

Подвисаю, пытаясь понять, в какой момент я вообще решил, что мне всё это надо. Но внутри скулит тот самый предатель, который говорит: “не еби голову, друг, она согласилась на всё”. И мне бы думать о чём-нибудь другом в эту секунду, однако не получается.

– Начни уже сейчас. Потому что на этот период я перееду к ней, – морщусь, поднимаясь со стула. – Там же и братья ещё. Будет странно, если они не будут появляться дома так долго.

– Ты серьёзно? – вопросительно ведёт бровью. – Давай снимем квартиру… получше. Я, конечно, не видел её хату, но у тебя очень говорящий взгляд.

– Тоже верно, – киваю. – Но один хер, придётся и пиздюков туда тащить, – поворачиваюсь к Рустаму, вскидываю бровь и выдаю со смешком: – Как я до этого докатился?

– Хочешь честно или так, чтобы успокоиться? – как-то странно усмехается брат.

– Лучше промолчи, – фыркаю и иду к Римме.

Она сидит на диване неподвижной статуей и смотрит в одну точку. Уже не плачет, но и всё ещё не здесь. Застряла между вселенными.

Останавливаюсь в нескольких шагах от неё, слухом улавливая, что Рус ушёл. Не знаю, чтобы нас не трогать или пошёл делать новые “жизни”, но скрывается он бесшумно, несмотря на свои габариты.

– Поехали, – давлю хрипло, облизывая пересохшие губы, которые буквально требуют вискаря.

– Куда мы поедем? – Бэмби отрывается от созерцания стены и смотрит вопросительно.

– Домой, – жму плечом, протягивая ей раскрытую ладонь.

– К тебе? – укладывает свои пальчики поверх моих и вставая делает шаг.

Теперь она стоит очень близко. Опять. Настолько, что я слышу её дыхание и сердцебиение. И этот Чёртов ритм выводит меня из равновесия.

Оглядываю её лицо, наклоняя голову в бок. Смотрю на припухшие красные глаза, которые бегают по мне в замешательстве. Затем опускаюсь к губам, которые потрескались из-за слез, и тяжело сглатываю.

Потому что всё ещё помню вкус этих губ, хотя целовал не их.

– Нет, Римма, – говорю тихо. – Мы поедем к тебе домой.

Глава 5. Я не позволю

Римма

Я думала, он пошутил. Но Адиль действительно сворачивает к той части города, где я живу, а я не перестаю на него смотреть. За этот месяц он… стал выглядеть иначе. Постригся, будто бы стал менее уставшим или… больше пьёт, чтобы забыться. Мне хочется верить, что у него просто получилось настроить свой режим. Правда, хочется.

А ещё для меня стало шоком, что он согласился мне помочь. И я даже не знаю, злюсь ли я на то, что условием было остаться у него. С одной стороны, я не хочу оставлять семью, а с другой… я так мечтала быть рядом с ним все эти дни, что это кажется каким-то подарком.

Однако я неглупа. Помню, как он отреагировал на попытку проникновения к нему в квартиру. Знаю, как он был зол. И даже если сейчас им движет желание помочь мне, то наравне с ним он желает мести. А значит, я – приманка.

– Ты ведь понимаешь, что если я сделаю всё, как обещал, то ты не сможешь видеться с ними? – Ад останавливается у моего подъезда, и тут же в заднее стекло светят фары машины Севы.

– Да, я понимаю, – отвечаю едва слышно.

– И ты действительно на это готова? – поворачивается ко мне корпусом.

Вглядываюсь в его голубые глаза, ищу в них хоть какую-то зацепку за его реальные мысли, но не нахожу ничего. Он слишком умело прячет всё, что внутри.

– Если ты обещаешь их безопасность, то да, – отзываюсь шёпотом.

Адиль смотрит так, будто понимает – я догадалась. Во взгляде плещется жалость и… восхищение. И я не знаю, нравится ли мне это сочетание. Ведь с одной стороны – теперь я для него не просто безвольная девушка, которую он когда-то выкупил с аукциона. Сейчас я знаю о нём хоть какие-то крупицы и могу сложить два плюс два. Но с другой стороны… жалость означает, что я знаю слишком мало, чтобы так рассуждать.

Он выходит из машины, а я в боковое зеркало наблюдаю, как они с Севой что-то обсуждают. Практически спорят. На лице помощника читается возмущение, а затем и злость, но когда Адиль буквально давит взглядом – он сдаётся и кивает. Сева идёт к водительскому сидению машины Ада, и в то же время Адиль открывает дверь с той стороны, где сижу я.

– Пошли, – протягивает руку ладонью вверх.

Смотрю по очереди то на одного мужчину, то на второго, что сидит уже за рулём и хочу задать уйму вопросов. Например: что они задумали? Почему Сева здесь? Адиль действительно собирается ночевать у меня?

Но я молчу. Понятия не имею почему. Просто слишком устала, чтобы задавать вопросы.

Мы с Адилем заходим в квартиру, и он снова оглядывается. Я почти вижу, как в его глазах крутится колёсико загрузки, правда Ад очень удачно его прячет.

– Тут есть ещё комната, кроме той, которую разнесли? – поворачивается ко мне и смотрит устало.

– Да, – отвечаю, кивая. – Я постелю тебе там.

– Нет, – качает головой. – Мы ляжем там оба, – роняет и, не разуваясь, проходит дальше.

Под его подошвой хрустит стекло и шуршит мусор, который всё ещё разбросан по полу. Я же стою и смотрю ему вслед, словно он мне другую страну открыл. Мне не верится, что он сам это сказал. Что… он этого хочет. Или я придумываю, и он не хочет этого?

Чёрт, да почему всё так сложно?!

Плетусь следом и также не разуваясь, захожу в спальню матери. Не сказать, что её совсем не тронули, но как минимум не так сильно, как нашу с братьями. Достаю постельное и только собираюсь застелить кровать, как Адиль перехватывает у меня простынь.

Он стоит близко. Как обычно, возвышается надо мной, накрывая куполом своего аромата и власти. Это такое бешеное сочетание, что у меня кружится голова, но при этом я не перестаю смотреть на него. Уверена, он понимает, как меня ведёт от его присутствия. И когда я крепче сжимаю ткань в своих руках – Ад делает то же самое поверх моих запястий.

– Иди в душ, я всё сделаю сам, – говорит ровным, низким голосом.

– Зачем? – выдаю первый же вопрос, который крутится в голове.

– Зачем – что? – вскидывает бровь.

– Зачем ты остаёшься здесь? – говорю упрямо. – Ты ведь можешь помочь моим родственникам, оставить меня здесь одну и просто наблюдать, когда за мной придут снова, – вырываюсь из его захвата, на что тело реагирует воплем. Оно буквально требует, чтобы я вернулась обратно.

Адиль проходит по мне взглядом. Он изучает. Или думает, насколько всю правду мне, можно сказать. Во всяком случае – он взвешивает.

– Что бы ты обо мне ни думала, Римма, но я не чудовище, – давит почти зло, хотя во взгляде ни грамма ярости. – Я не хочу, чтобы с тобой что-то произошло.

На этих словах кто-то крохотный внутри меня начинает чертыхаться, будто возродившись из горстки пепла. Он кричит и молит подойти ближе, обнять его. Ведь этот большой и злобный мужчина только что признался, что мы ему небезразличны. И даже если это просто очередная моя фантазия – я в неё верю.

– Почему? – всё же спрашиваю, словно хочу спустить себя с небес на землю. И я вовсе не уверена, спрашиваю я про помощь или про тот самый поцелуй.

Но Адиль обрезает мне крылья, отвечая на оба вопроса сразу. Всего одна фраза разбивает мне сердце, но я не могу на него злиться. Потому что я сама виновата в том, что позволила себе верить во что-то космическое. Однако то, каким становится его взгляд… это греет мне душу.

Словно он возвращается куда-то в прошлое, где не было столько проблем на его плечах, а счастье било ключом. Будто глядя на меня, он видит что-то, что заставляло его радоваться жизни. И пускай я буду последней дурой, но если так он чувствует себя лучше – я буду для него кем угодно.

Ад подходит снова, цепляет пальцами прядь волос с моего лица и тихо говорит:

– Потому что ты напоминаешь мне человека, которому я не смог помочь. И я не позволю сценарию повториться.

Глава 6. Мне мало

Для него никогда не было проблемой добиться девушку. Статус, знаменитое имя, деньги – все это помогало взять желаемое по щелчку. Но с ней все было иначе. Ведь даже спустя неделю его внимания она не сказала свое имя…

Адиль

Бэмби укладывается на кровать ко мне спиной и подобно маленькому зверьку мастится, чтобы улечься удобнее. Вроде и не прикасается, но я чувствую тепло её тела и от этого ощущения мне на странность спокойно. Я слышу её дыхание, вижу, как тонкие плечи, обтянутые полупрозрачной белой домашней кофтой едва, приподнимаются, когда она набирает в лёгкие воздух, и кое-как сдерживаюсь, чтобы не коснуться шелковистых волос.

Блять, кажется, я схожу с ума.

И это притом, что я даже не разделся. Просто лёг в кровать, как был: худи, брюки и башка полная странных мыслей. Будто всё это сможет, когда меня перемкнёт. Не “если”, а именно “когда”.

– Адиль, – зовёт совсем тихо, будто боится меня потревожить, и я ожидаю, когда начнётся допрос.

Естественно, я не думаю, что после сказанного мною, эта тема будет закрытой. Уверен, что она будет задавать вопросы. И, честное слово, я понятия не имею, нахера я это сказал. Зачем открылся спустя столько лет совершенно незнакомому человеку. Наверное, потому, что на каком-то интуитивном уровне я знаю, что Римма не использует эту информацию мне во вред. Хер знает.

– Что? – отзываюсь не сразу.

– Ты правда будешь жить здесь? Со мной? – в её голосе столько недоверия, что с моих губ срывается смешок.

– Несколько дней, Бэмби, – разворачиваюсь, укладываясь на спину, и закидываю руку за голову. – Пока делают документы твоей семье, я буду с тобой и твоими братьями.

– Ты думаешь… – запинается, очевидно, не зная, какие слова подобрать, – …что те люди могут вернуться?

– Если они считают, что ты больше не под моей защитой и не нашли один раз, то вполне могут, – киваю сам себе, и на этих словах Римма разворачивается, приподнимаясь на локте, а я как заворожённый наблюдаю за этим.

Смотрит на меня с беспокойством и… чёртовой нежностью, из которой она, похоже, вся состоит. А я ни на секунду не перестаю думать о тех животных, кто это сделал. Мне правда хочется верить, что эти два проникновения – совпадение. Вот только за эти года я прекрасно уяснил: совпадений как таковых в жизни не существует. Любое действие, любого человека имеет умысел. А ещё: если кто-то из “наших” хочет добиться желаемого, то сделает это любым, даже самым грязным способом.

– Но у мальчиков учёба, – шепчет, сжимая на открытой груди край одеяла.

– Ну, значит, у Севы появится ещё одна задача, – хмыкаю, перекидывая взгляд в потолок.

Повисает тишина. Однако она не давит. Скорее, обволакивает подобно защитному куполу настолько, что даже звуки города, что были слышны сквозь разбитые окна – гаснут. Есть лишь моё сердце, которое отбивает ровным ритмом и дыхание Риммы, звучащее так шумно, что уши закладывает.

– Спасибо, – шепчет вдруг, а затем тонкие пальчики укладываются на мою скулу и давят, поворачивая моё лицо к себе.

Этот жест кажется мне слишком… несвойственным для неё, но тем не менее нечто из глубин просыпается, отзываясь на него. Оно щекочет и рокочет. Оно требует выпустить его полностью, но я не делаю этого, напоминая сам себе, что Римма не та.

Бэмби шарит по моему лицу, поглаживая подушечками пальцев щеку. И, блять, я не понимаю, чего от неё ждать. Хотя и думаю, что знаю этот взгляд. Уверен, что знаю.

– Только вот… – прикусывает губу, опуская глаза и прикрывая веки. Густые ресницы дрожат, дыхание сбивается, а меня накрывает от таких простых жестов. – Что я скажу братьям? Кто ты?

– Скажем, что я твой жених, – веду плечом, убирая её руку от своего лица. – Не думаю, что у пацанов их возраста возникнет мысль о таком спрашивать, – тяну уголок губ вверх, отворачиваясь обратно к потолку. – Спи, Римма, завтра с утра приедут люди и уберут здесь бардак, а как договориться с двумя шкетами – я найду способ.

И снова этот её взгляд. Я понимаю, что она благодарна. Как и понимаю, что она влюблена. И меня пиздец, как разрывает от этого осознания. Потому что тот самый ублюдок внутри меня просит воспользоваться этим. Заполнить ею ту пустоту, что образовалась за эти года. Ведь она не против. Явно не против, потому что сама тянется ко мне. Однако осознанная часть моего существа протестует.

А затем Бэмби тянется и еле ощутимо касается губами моей щеки. Кажется, даже время замирает вместе с ней. От такого простого прикосновения по коже расползается тепло и вслед за ним, по венам – раскалённый металл. Просто ебучий поцелуй в щеку. А у меня весь организм на дыбы поднимается наэлектризовываясь. Её губы слегка шершавые, но мягкие. Осторожные в каждом своём миллиметре.

– Римма, спи… – хриплю, но при этом не пытаюсь её отодвинуть.

Она сама через несколько секунд отстраняется, утыкаясь лбом в мой висок. Горячее, сбивчивое дыхание опаляет ухо, посылая от этого места волну мурашек. Я погружаюсь в настолько яркое упоение, что сам не замечаю, как сжимаю в пальцах покрывало под собой. Меня херачит почти буквально и, чтобы не дёрнуться – сжимаю зубы крепче.

– Можно я скажу кое-что? – шепчет, не отрываясь от меня. И этот шёпот звучит громче любого крика.

– Скажи, – давлю хрипом сквозь плотно сжатые зубы.

И снова невесомый поцелуй, но на этот раз в висок, а после Бэмби выдыхает:

– Я скучала.

И всё. На этих словах мой котелок начинает закипать. И это, блять, ни капли не в хорошем смысле. Потому что я и без того еле держусь, но, если она собирается вот так меня провоцировать… сама ведь потом пожалеет.

Цепляю пальцами её подбородок, дёргаю так, чтобы её лоб перестал меня касаться, а затем наблюдаю раскрасневшееся лицо и голубые глаза, расширенные от стыда.

– Правило номер один, Римма, – почти рычу, продолжая сопротивляться своим желаниям. – Не делай так больше. Никогда. Не касайся меня, если я об этом не прошу. Ясно?

Белок её глаз краснеет, стекленеет, но она кивает. Рвано, практически истерично.

– Скажи это, – давлю тоном.

– Я тебя поняла, – шелестит сипло. – Больше не буду.

Перебегаю глазами из одного её зрачка в другой. Я ищу в них ответы на те вопросы, что мучают меня глубоко внутри, хотя знаю, что не найду. Я не найду в ней успокоения. Не найду того, что потерял много лет назад.

Но… блять, почему я не могу попробовать?

Замираю. Даже дышать перестаю. И Бэмби вместе со мной. И… всё. Щелчок.

А в другую секунду моя рука на её затылке и притягивает ближе, пока я буквально вгрызаюсь в те самые губы, что касались моего лица. Толкаюсь языком в её рот и даже не обращаю внимания, как пальцы Риммы сжимаются на моей кофте.

Я пью её. Вдыхаю эти чёртовы яблоки, перемешанные с мятой и мне, сука, этого категорически мало…

Глава 7. Не отпускай

– Что мне сделать, чтобы ты сказала, как тебя зовут? – он в очередной раз преградил ей путь, облокотившись плечом о косяк двери аудитории.

Девушка улыбнулась. Открыто, весело, но не насмешливо. Ей действительно было странно его внимание. Но оно грело душу.

– Не знаю, – пожала плечами. – Своди меня на уроки танго. Если мне понравится – скажу имя.

Адиль

Кажется, я только теперь начал дышать. И я не конкретно про эту минуту, час и день. Я про чёртов месяц. Я будто действительно заполняю ею ту черноту, что разрастается внутри. Забираю себе, присваиваю. То, что мне не принадлежит. И я знаю, насколько подло поступаю, но словно теряю связь с реальностью.

И Римма позволяет это делать. Её хрупкое тело льнёт ко мне ближе. Она буквально растекается в моих руках и каждый раз, как наши языки соприкасаются – стонет. Тихо, рвано, будто боится, что её кто-то услышит. И эта её чёртова скромность заводит ещё сильнее. Из груди рвётся рык, а в следующее мгновение я рывком переворачиваю её, вдавливая лопатками в матрас. Упираюсь локтем возле её головы и с новой силой целую, обрывая последние тормоза сам себе.

Её руки шарят по моей спине, а сама Римма выгибается навстречу, когда я прижимаюсь к ней каменным стояком. Черта стирается. Всё нахер стирается, когда её пальчики цепляют край моего худи и дёргают его.

Не знаю почему, но я не останавливаю её. Помогаю. Скидываю кофту и зависаю, глядя на неё сверху вниз. Голубую радужку почти не видно из-за того, как расширился зрачок, щёки красные, губы припухшие и дыхание настолько глубокое, что грудь вздымается слишком очевидно.

И мне кажется, я способен её сожрать. Припадаю к её губам, моментально толкая язык внутрь. Одной рукой веду по боку опускаясь к бедру, и сжимаю, толкаясь в неё. Даже сквозь одежду я ощущаю, какая Бэмби горячая и мокрая. И это рвёт мне котелок. А её тоны на каждое моё касание, граничащее с болью – лишь подрывают этот мини-взрыв.

Это и правда похоже на сумасшествие. Потому что я будто хочу её в двойном размере. За двоих. За троих, сука. И мне кажется, от разрывающего желания лопается даже кожа на теле, а не только член.

Кое-как отрываюсь от неё. Снова смотрю, как она пытается сфокусировать на мне взгляд и как плохо у неё это получается. Ликую. И убиваюсь одновременно.

– Что ты делаешь, Римма, – хриплю, наклоняясь и оставляя поцелуй на острой ключице, которая виднеется из-под тонкой кофты. – Ты должна меня остановить, – вывожу влажную тропинку до груди и поднимаюсь обратно, чтобы добраться до изящной шеи, ловя приходы от её реакции.

От мурашек, разлетающихся по всей коже, видимой глазу, от того, как подаётся навстречу. От мелкой дрожи, что передаётся мне.

– Не хочу, – шепчет судорожно, стоит языком пройти по коже за её ушком.

Это должно меня отрезвить. Должно напомнить про те границы, что я сам расчертил. Поэтому что это, сука, неправильно. Но когда я отрываюсь от неё и снова смотрю на круглое личико, я вижу на нём… всю осознанность происходящего. Бэмби понимает, что это значит для меня, но всё равно хочет продолжить.

– Римма… – давлю практически с болью.

За себя. За неё. За… ту, что оставила свой нестираемый след.

Кажется, я предатель по всем фронтам.

– Адиль, – шепчет моё имя, будто это нечто хрупкое, заглядывая в мои глаза и укладывая ладони на мой затылок, чтобы едва ощутимо поцарапать ноготками кожу. – Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Усмехаюсь. Не злобно, но немного ядовито. Потому что даже в такой ситуации она думает не о себе. Кажется, это из неё никак не вытравить…

И снова я нахожусь в том месте, где борются двое. Бэмби не хочет моей боли, знает, что для меня она – не она, и всё равно позволяет делать всё это. Чувствую себя максимально грязным. Сам для себя встаю на один пьедестал с отцом, который почти всю жизнь говорил: “Женщины для удовольствия. Подпустишь близко – тебе конец”. И хотя он полнейший уебок, но у меня нет причин ему не верить. Он точно знает, о чём говорит. Мы все знаем.

И в данную секунду продолжить – означает последовать его наставлениям. Взять то, что хочется и успокоиться. Но и не сделать этого – тоже, значит, обречь на себя пророчество папы.

Начать что-то чувствовать к другому человеку – капкан, из которого можно выбраться, лишь когда один из вас будет мёртв.

Только вот что, сука, делать, если я уже в капкане?

Так же резко, как оказался над Риммой – подрываюсь. Усаживаюсь на другой край кровати, упираясь локтями в колени. Смотрю в стену перед собой и пытаюсь вернуть себе хотя бы фантом того равновесия, что держал большую часть жизни.

Но это снова ложь самому себе. Не было никогда равновесия. Всегда была злость. Вечная, безграничная и она никуда не делась рядом с Риммой. Просто направилась в другое русло, практически вынуждая сорвать все цепи.

– Адиль… – шёпот Бэмби проходит по моей разгорячённой спине, а затем я чувствую, как вдоль позвонка проходят тонкие пальчики. – Я сделала что-то не так?

Усмехаюсь снова. Уже практически горько. Потому что мне хочется рвать и метать. Хочется сказать: не ты. Я, блять, всё делаю не так. Но я молчу. И единственное, что получается выдавить:

– Забудь об этом, – поворачиваю голову вбок, чтобы видеть её глаза, которые мечутся от замешательства. – Правило номер два, Римма. Между нами ничего нет и не может быть. Мы даже одним воздухом дышать не можем, не говоря уже обоев чем этом.

Чувствую горечь на языке от сказанных слов. Мне самому тошно это говорить, но мне нужно увидеть в ней боль. Ту самую боль, которая не позволит ей тянуться ко мне.

Потому что где-то глубоко внутри, другой, тонкий и надломленный голос шепчет:

– Не забывай меня. Не отпускай. Я не хочу остаться одна в этой темноте.

Глава 8. Если я…

Римма

Просыпаюсь разбитая. Кажется, будто по мне проехали катком, потом разобрали по оставшимся частям и не собрали обратно. И я понимаю, что сама в этом виновата, но ничего не могу сделать с сердцем, которое ноет, требуя ещё больше тепла.

Кажется, я действительно готова стать заменой кому-то фантомному, лишь бы быть рядом. Вот настолько всё моё нутро тянется к Адилю. И мне дико больно оттого, что это даже вполовину не взаимно.

Он ещё спит. Или делает вид, что спит. Я встаю с кровати и иду на кухню, обходя все осколки и мусор. Тут тоже полный хаос, но хотя бы чайник и чашки целые.

Достаю себе чёрный чай, нахожу в шкафчике селений с ромашкой и раскидывая пакетики по разным кружкам, жду, когда вода закипит. И, кажется, закипаю сама в этот момент.

Что мне сделать, чтобы перестать чувствовать то, что есть? Или, может, не надо сопротивляться, а доказать Адилю, что я смогу жить без его чувств ко мне, лишь бы он был рядом? А смогу ли?

Сегодняшняя ночь – доказательство того, что я способна перейти эту черту. Потому что я горела, пылала и ожидала.

Я хочу всего его, даже если ему нужна не я…

– Доброе утро, – хрипит низкий голос будто из бездны, хотя по факту Ад уже стоит напротив.

Одетый, менее “помятый”, чем я, но, как и обычно – недовольный.

– Доброе утро, – отзываюсь тихо, отворачиваясь к чайнику, чтобы скрыть нахлынувшую волну жара, что раскатывается по всему телу.

– Бэмби, – зовёт спокойно, но я не оборачиваюсь. Трачу все силы на то, чтобы руки, удерживающие чайник, не тряслись.

И лишь когда оборачиваюсь с кружками в руках, практически натыкаюсь на Адиля.

– Скоро придут люди для уборки, – говорит, безошибочно забирая из моих рук свою чашку. – Нам с тобой надо будет уехать. А так как я просто нуждаюсь в новой одежде, мы сначала поедем ко мне. Но ты должна пообещать, что не выйдешь из машины.

Киваю, не в силах даже поднять на него голову. Не могу и не буду смотреть в его глаза. Ведь тогда мне снова захочется к нему прижаться, а он этого не примет. Опять.

– Во сколько возвращаются братья? – отходит на шаг назад, делая глоток. На удивление даже не кривится и не ворчит.

– Думаю, как обычно, к пяти, – выдавливаю из себя кое-как, протяжно выдыхая.

Но нет. Я не могу. Я вру сама себе, когда говорю, что смогу находиться рядом, делая вид, будто ничего не произошло. Ведь было нечто… невероятное. И продолжает происходить, когда он рядом, как минимум внутри меня.

– Адиль…

– Римм…

Мы зовём друг друга почти одновременно, из-за чего я вскидываю голову, всё же ловя глазами его взгляд. Повисает молчание. Оно… странное. Нет дискомфорта. Нет злости или обиды. Мы просто смотрим друг другу в глаза, будто пытаемся донести мысль без слов. И если Адиль для меня – закрытая книга, то уверена, что он меня может считать на раз, два.

– Говори, – уступаю ему право сказать то, что хотел, чтобы хоть как-то уравнять шансы.

Кажется, я вижу в его взгляде смятение. Или что-то похожее на вину. И когда я думаю, что мне показалось, Ад ставит чашку на стол, а затем подходит ко мне. Забирает и мою кружку,

убирая её в сторону, при этом всё время смотрит на меня. Его рука тянется к краю кофты, который сполз, открывая плечо, и двигает его, закрывая кожу.

– Римм, – начинает тихо, хрипло, – я понятия не имею, что происходит в моей башке. Не обижайся на меня, – эта же рука поднимается к моему лицу, укладываясь на щеку, а большой палец проводит по линии подбородка. – Тебе нельзя ничего ко мне испытывать. И как только я разберусь с тем, что происходит вокруг – ты поедешь к своей семье. Ты будешь жить обычную жизнь, в которой нет места мне и моему дерьму. Мы сделаем вид, что не было этого месяца в моей квартире. Я сделаю всё, чтобы дальше ты жила счастливо просто потому, что ты не поехала крышей рядом со мной.

От каждого его слова сердце в моей глотке колышется так сильно, что хочется то место почесать. Я чувствую подступающие слёзы. Пытаюсь продышать ощущение, будто готова взорваться.

Предпринимаю попытку за попыткой, чтобы не упасть рядом с ним на колени и не начать умолять его не делать этого.

Я та, кто тянул всю семью на себе последние пять лет и всё это время считавшая себя сильной – теперь не могу дышать без человека, которому это не нужно. И мне больно. Мне дико больно.

И поэтому я цепляюсь пальцами в его кофту, сжимая её до побелевших костяшек. Сама не понимаю, как начинаю плакать. Беззвучно, едва вздрагивая. И молчу. Просто прижимаюсь к нему всем телом, пока его руки обнимают меня, медленно поглаживая.

Наверное, я благодарна Адилю за то, что он смог сдержаться вчера и подумал о моих чувствах. Он понял, что для меня это всё не проходит бесследно. Но вместе с тем я злюсь на него. За то, что он не даёт мне себя. Пускай даже маленькими, отравленными дозами. Потому что, кажется, я хочу утонуть в них. Сейчас. Пока у нас ещё есть время.

Вскидываю голову. Перебегаю из одного его зрачка в другой поплывшим взглядом и не могу поймать фокус. Просто изучаю очертания его лица, впитывая в себя мельчайшие детали: складку между бровей, оттого что он постоянно хмурится; родинку слева на лбу, почти у самой линии волос; маленький, совсем незаметный шрам у правого глаза. Я хочу это всё помнить всегда, вопреки его словам.

А затем я говорю то, что не ожидала от самой себя. Мой голос хриплый, надломленный. Словно я молюсь, а не разговариваю с живым человеком из крови и плоти.

– Если я хоть что-то значу для тебя – поцелуй меня.

Глава 9. Не только я

Римма

На его лице проявляется боль. Она слишком чётко видна, чтобы перепутать её с чем-то другим, и я не знаю, к чему её приписывать. Правда, не знаю.

– Не надо, Бэмби, – его пальцы на моей спине сжимаются крепче. – Не делай так.

– Я никогда ни о чём не просила тебя, – шепчу, нервно облизывая губы. – Помощь моей семье выгодна и тебе. А вот эта просьба… – замолкаю, перекидывая взгляд от голубых глаз к его губам и обратно. – Если есть хоть что-то… поцелуй.

Время буквально останавливается. Кажется, проходит вечность, прежде чем Адиль моргает. А затем… наклоняется и касается своими губами моих, укладывая на мою щеку ладонь. Осторожно, будто боится сломать.

Это не похоже на то, что было раньше. Те поцелуи были дикими, необузданными, но этот… словно он что-то понял. Или хочет меня успокоить? Если второе, то это самый запрещённый приём, который он мог применить, ведь для меня это значит намного больше.

Что-то есть. Что-то значу.

Значит, я могу попытаться. Могу бороться за него. И плевать, кто будет в противниках: какая-то другая девушка или он сам.

Тянусь руками, обвивая его шею, цепляюсь пальцами в колючий затылок и прижимаю к себе. Сама углубляю поцелуй, судорожно выдыхая, когда он позволяет.

Никакого намёка на секс. Мы просто пьём друг друга, дышим друг другом. Оба пытаемся привыкнуть к мысли, что что-то изменилось.

И пускай это не что-то конкретное, но тот факт, что Адиль сам меня целует и позволяет в какой-то степени вести – говорит о многом.

Его рука с моей щеки перемещается на затылок, сжимая волосы у корней. Не сильно, но настолько, чтобы зафиксировать.

Он злится. В эту самую секунду я чувствую, как мышцы на его плечах каменеют, извещая о скором появлении той самой стены, и мне, нужно как-то его отвлечь. Веду руками ниже, скольжу пальцами под его худи и глажу до одури прекрасное тело.

Боже, сколько раз я смотрела на него и пыталась убедить себя, что мне неинтересно?

Слегка царапаю ноготками спину, чувствуя дрожь. И я даже не хочу разбираться, чья она. Общая.

Поцелуй становится глубже. Дыхание тяжелее и превращается в общее.

Это помогает. Адиль отвлекается от мыслей. Он возвращается ко мне. Я понимаю это, потому что его пальцы отпускают мои волосы и в секунду обе руки обхватывают мою талию, рывком усаживая на стол.

Ад разрывает поцелуй, но не отстраняется. Упирается лбом в мой лоб, а затем хрипло выдыхает:

– Римма, ты не знаешь, что делаешь.

– Если я скажу, что мне всё равно, ты скажешь, что я глупая, – отвечаю тихо, обхватывая огромное тело перед собой ногами, и притягиваю к себе, чтобы он не исчез.

Знаю, что это бесполезно, ведь если Адиль захочет всё остановить, то я ничего не смогу сделать. Но я должна сделать хоть что-то, чтобы показать ему: я серьёзна как никогда.

– Ты права, – усмехается почти грустно. – Ты глупая.

И через секунду после сказанного, он сам опять целует меня. Крепкие руки гладят мою спину, задирая тонкую ткань кофты. Прижимает к себе, врезаясь своей твёрдой плотью между моих ног и с едва слышимым стоном, выдыхает в мой рот. Этот звук отдаётся во мне вибрацией.

Настолько щекочущей, что я отвечаю тем же. Стону в его рот, придвигаясь ближе. Буквально сама трусь о него, выгибаясь.

– Мы оба пожалеем об этом, – шепчет, перемещаясь с моих губ на шею, и выводит влажную тропинку ниже.

Я чувствую, как его зубы царапают мою кожу, а горячий язык проходит следом по этим местам и открываюсь ему ещё больше.

– Не пожалеем, – выдыхаю, сжимая пальцы на его спине, и вздрагиваю, стоит Адилю прикусить сосок сквозь кофту.

И в этот же момент что-то меняется. Движения становятся резче, глубже, жёстче. Но это не пугает. Каждое касание будоражит все нервы в моём организме. Под кожей разливается жар, утекая тёплой волной вниз и завязываясь там плотным узлом.

Моё терпение на грани. Как и контроль Адиля. Я понимаю это по тихим звукам, что вырываются из него. Они похоже на рычание и мольбу одновременно. По тому, как он спускает кофту с моих плеч так резко, что слышится треск ткани. Всё в нём говорит о борьбе.

Со мной. С собой. С кем-то из прошлого.

Я почти слышу, как рушатся его установки и стены. Возможно, не разом и с грохотом, но там, где была глухая темнота – появляется едва заметный лучик.

– Прости меня, – шепчет, целуя мою ключицу и тут же перекидывается на губы, хватаясь за мои ягодицы.

Вжимает в себя, толкаясь языком внутрь. И это действительно просьба о прощении. Но не у меня. Он говорит это не мне.

И я просто не могу найти в себе силы, чтобы сказать хоть что-то. Чтобы прервать этот монолог, потому что каким-то шестым чувством улавливаю, насколько ему это необходимо. Прощение. Даже миниатюрное подобие спокойствия.

Одна его рука перебирается со спины на мою грудь, гладит её, слегка сжимая, и я снова стону в его рот. Адиль не отодвигается. Трогает меня, прижимаясь всем телом, ведёт по животу вниз и скользит под резинку шорт. Я почти слышу, как остатки самоконтроля разрушаются. И вовсе не уверена, что это его. Это… наше.

И в эту же секунду раздаётся звонок в дверь.

Мы оба вздрагиваем, а затем Ад отстраняется, ловя в фокус моё лицо. Моё разгорячённое, растерянное и полное желания лицо. Мне даже не надо смотреть в зеркало, чтобы это понять.

– Сиди здесь, – хрипит, моментально собирая всю свою силу обратно, и убирает от меня руки, заставляя возмущённо пыхтеть.

Кажется, даже если на город решит упасть метеорит, я бы не согласилась это остановить. Но Адиль считает иначе. Он поправляет мою и свою кофту, хотя на моей уже частично всё порвано. А затем… коротко целует меня в лоб и уходит к двери.

Такой простой жест вызывает во мне что-то феерическое. Что-то… заоблачное. Я даже не могу сказать, на что это похоже, ведь назвать это бабочками в животе – значит оскорбить это ощущение.

Даже не замечаю, как начинаю улыбаться. Широко, радостно. Откидываюсь на стол, укладываясь на него лопатками, и смотрю в потолок. И как-то плевать, что вокруг разнесённая квартира. Всё равно, что вчера, в теории, я могла пострадать.

Потому что вот эти минуты они перекрыли собой всю тьму. И я очень хочу верить, что не только мою.

Глава 10. Будет, как и было

Римма

С тем звонком приехал клининг, а затем, стоило мне переодеться, мы почти сразу уехали. И правда, к нему в квартиру. Сева всё это время следует за нами по пятам, но если честно, мне как-то всё равно. Всё моё внимание на Адиле. Я смотрю на то, как он ведёт машину, и словно вижу его впервые.

Будто только сейчас замечаю, как он расслаблен, когда ведёт машину; как сжимает руль одной рукой, изредка поглядывая на наручные часы; как едва заметно улыбается, когда видит, что я на него смотрю. И я действительно начинаю думать, что до этого смотрела на него другими глазами.

– Прекрати, Бэмби, – Ад произносит это строго, даже немного раздражённо, но я замечаю в его взгляде смешинки.

– Что? – отзываюсь моментально.

– Не смотри на меня так, будто я нечто важное, – отвечает, останавливаясь на какой-то парковке.

Закусываю губу, чтобы не ляпнуть что-то в стиле: “но ты и правда важен для меня”, потому что боюсь своими словами вновь расчертить между нами преграду. Ведь я уверена, он сам ещё не смирился с тем, что было. Не знаю почему, но думаю, стоит мне завести за это тему и Адиль вновь захлопнется, как ракушка.

– Прости, – бормочу, заставляя себя отвести взгляд и только сейчас замечаю, что мы стоим у какого-то ресторана.

Очень дорогого ресторана, судя по вывеске.

– Зачем мы здесь? – спрашиваю, разглядывая огромную вывеску, которая, я уверена, ночью светится неоном.

– Ну, во-первых, нам где-то надо провести это время, а ввиду того, что пока ничего не ясно – в офис я тебя не потащу, – хмыкает Адиль, заглушая двигатель. – А, во-вторых, мы ещё не завтракали.

– Но ты мог бы поехать в офис, а я бы осталась с Севой, – мнусь, потому что чувствую себя виноватой за его “прогулы”.

– Не мог бы, – отрезает так резко, что я вздрагиваю, а затем, не дожидаясь, выходит из машины.

Мне не остаётся ничего, кроме как пойти следом.

Адиль входит в здание, будто он здесь главный, и работники, что кружат вокруг него – только подтверждают моё видение. Да я бы и сама перед ним стелилась, если бы не привела к его подавляющей ауре. А сейчас он ещё и в белой рубашке, так что действительно выглядит как босс и я на его фоне – как серая мышь.

Нас усаживают за столик в отдалении. Он прикрыт портьерами, и в целом, нас никто не видит, но отсюда прекрасно просматривается добрая часть помещение. По крайней мере, до тех пор, пока Ад не подталкивает меня к углу.

Не сопротивляюсь просто потому, что знаю: это бесполезно. Да и как бы я ни хотела забыть тот хаос, что творится в моём доме – периодически картинки всё равно всплывают в моей голове.

Нам дают меню, открыв которое я хочу тут же захлопнуть обратно. Адиль смотрит на это с улыбкой и почти собственноручно держит папку открытой, чтобы я выбрала блюдо.

– Римма, не зли меня, – давит со смешком. – Тебе надо поесть.

– Поесть, а не оставить все заработанные деньги, – шиплю на него.

– Это не твоя головная боль, – уже более строже говорит. – Все расходы на мне.

И отчего-то мне кажется, что он говорит не только про ресторан.

Мы делаем заказ, и пока нам несут кофе и еду, мы сидим в молчании. Ад что-то отправляет в смартфоне, либо же слушает голосовые, а я… чёрт, да, я опять смотрю на него. Я просто не могу с собой ничего поделать. И лишь когда еду всё же приносят, я переключаю своё внимание в тарелку. Никогда бы не подумала, что Английский завтрак может быть таким интересным.

– Говори уже, – хмыкает Адиль, когда видит, как долго я ковыряюсь в тарелке, пытаясь насадить на вилку фасоль.

– Что? – глупо моргаю, поворачиваясь к нему.

– То, что ты хочешь сказать ещё с самой квартиры, – усмехается, откидываясь на спинку дивана, и принимает более властное положение тела.

Честно, мне одновременно хочется и выпалить всё, что в моей голове, и замолчать навеки. Меня словно раздирает надвое и оттого ещё сложнее сдержаться.

– Что мы будем делать дальше?

Спрашиваю и тут же закусываю губу. Умом-то понимаю, о чём говорю, но при этом осознаю, насколько двояко это звучит.

– Ждём, когда все нюансы будут решены и твои родственники исчезнут для всех, включая тебя, – смотрит на меня так прямо, что я съёживаюсь.

А нет, я не совсем привыкла к нему. Вот этот взгляд для меня всё ещё тяжёлый.

– Я смогу с ними попрощаться? – выталкиваю из себя хрипло, ведь стоит только подумать о том, что я их не увижу – к горлу подступают слёзы.

– Только при условии, что ты не скажешь им ни слова, – обрубает жёстко. – Вообще, Римма. Им бы даже имени моего знать не надо, но хочу я того или нет – нам придётся с ними познакомиться. Ведь мне придётся эти несколько дней быть у тебя.

– Ты будешь у меня жить? – думаю, мои глаза выкатываются, как у крабика.

– Да, – подаётся вперёд. – И именно поэтому ты, Римма, больше не будешь меня провоцировать, ясно? Пока я нахожусь не на своей территории и под моей защитой ты и твои братья – мне нельзя терять фокус. А ты… – он морщится, но не в отвращении, а скорее… в боли. Или в дискомфорте. – Ты заставляешь меня отпускать нить. Поэтому мы возвращаемся к тому, с чего начинали: ты тихая, как мышка и не путаешься под ногами, а я…

– А ты злой бука, который готов откусить голову за неправильный шаг, – заканчиваю за него.

– Называй это как хочешь, Бэмби, – снова откидывается на спинку, – но это состояние позволило мне дожить до своих лет. Поверь, меня хотели убить слишком много раз.

У меня сердце сжимается в комок от этих слов. Я не знаю, как объяснить своё состояние, но я буквально плавлюсь от чувства, словно мне необходимо его обнять.

– Мы ведь сейчас говорим про дом, да? – спрашиваю тихо, глядя в голубые глаза.

Ад хмурится, словно пытается счесть ход моих мыслей, а затем кивает. Очевидно, у него ничего не получилось.

И тогда я подрываюсь, в несколько движений практически подползаю к нему и, усаживаясь на него сверху, обнимаю. Обычные объятия, от которых мне становится стократ легче. И ещё лучше, когда одна его рука обнимает меня в ответ, а вторая тянется, чтобы плотнее задвинуть портьеру.

Отстраняюсь, обхватывая его лицо руками, перебегаю из одного зрачка в другой, разглядывая в радужке каждый завиток. Мне так нравятся его глаза… Боже, кажется, я схожу с ума.

– Спасибо, – шепчу почти у самых его губ.

– Не благодари. Ты ведь понимаешь, в качестве кого ты выступаешь в этой ситуации, – отвечает так же тихо.

– Это неважно, – едва улыбаюсь.

И мне хочется добавить: главное – что ты способен на нечто благородное. Ведь это означает, что твоё сердце не совсем окаменело и ты ещё можешь хоть что-то чувствовать.

Но вместо этого я просто тянусь и невесомо целую его.

Адиль не отвечает, но и не отстраняет. Он словно завис где-то в структурах и думает, что сделать дальше. Секунда, две, три и я уже думаю, что этим действием всё же прочертила черту. Но затем его пальцы, до того спокойно лежавшие на моей спине – сжимаются, притягивая меня ближе.

Только тела. Губы так же неподвижно касаются друг друга, и лишь спустя несколько минут я чувствую, как расслабляются его плечи. Только после этого Адиль сам проводит языком по моим губам, вынуждая открыть рот и впустить его.

И снова в этом поцелуе нет никакого напора. Будто мы просто привыкаем к этому состоянию и проверяем границы друг друга. Или я пытаюсь стереть его границы. В любом случае – происходящее мне более чем нравится, и я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Глава 11. Знакомство

– Ладно, хорошо, – отсмеявшись вдруг говорит девушка, когда они забегают под навес какого-то продуктового ларька. – Ты заслужил узнать моё имя.

Его сердце забилось с такой скоростью, что рёбра ломились. Он сводил её на танцы, а теперь стоял, смотрел в её серые глаза, когда в полуметре от них лил дождь, и не мог отвести взгляда. Не мог пропустить тех мгновений, когда она не просто улыбается, а поистине счастлива.

– Мира. Меня зовут Мира.

Адиль

Я не знаю, что это, блять. Уже даже не желание, не гордость и точно не любовь. Будто бы присутствие Риммы – теперь необходимость. Какая-то ебанутая потребность, и мне это абсолютно точно не нравится.

Особенно в такие моменты, как этот – когда она сидит на пассажирском сидении и смотрит на меня. Опять. Будто я чёртов центр вселенной.

– Римма, хватит, я сказал, – давлю тихо, почти зло.

– Прости, – бормочет в ответ, отворачиваясь. – Не могу объяснить, почему я это делаю.

А я, блять, могу. И точно знаю, что эта глупая девчонка влюбилась. Блять. Произошло то, чего я точно никак не хотел. И мне бы, по-хорошему, отказаться от своей затеи и отправить её вместе с семьёй, надеясь, что её всё же не найдут. Рустам по-любому сделает всё чисто. Но я, почему-то, не хочу этого.

Мы подъезжаем к её этажке на этот раз на моей машине, ведь вчера ночью Сева её отгонял подальше, а утром я просто не мог представить, как мы полдня будем ездить втроём и заставил её отвезти нас за тачкой. Хотя по-хорошему, Севе бы находиться рядом.

Первое, что меня напрягает, когда мы подходим к квартире – Римма вставляет ключ, но он не прокручивается. Я тут же сдвигаю её в сторону, увожу руку за спину и, отодвигая пиджак, перехватываю пистолет, спрятанный за поясом, который забрал в бардачке.

– Стой тут, – говорю тихо.

– Адиль, это скорей всего братья, – почти скулит. – Не пугай их.

Хочется пожать губы и закатить глаза, но потом я вспоминаю, что не все пацаны растут, как мы с Русом и не каждому с двенадцати лет толкает в руки боевое оружие. Поэтому пистолет остаётся на месте, но ладонь с него я не убираю и всё-таки захожу первым.

– Римма! – тут же слышу довольный мальчишеский голос и незаметно даже для себя, облегчённо выдыхаю.

– Римма, – вопит второй, а затем слышится топот и на нас вылетают двое пацанов.

Блять, они почти одинаковые! Я в первые несколько секунд даже думаю, что у меня в глазах двоится, но затем моргаю пару раз и понимаю, что это не глюк.

Парни бросаются к Бэмби, которая выплывает из-за моей спины, и так тепло её обнимают, будто не видели год, а не несколько суток.

На короткий миг, внутри меня разгорается пожар, в котором смешаны слишком многие чувства. Они такие… свободные в своих действиях и эмоциях, что невозможно просто смотреть на это. Их не заталкивают в костюмы с десятилетнего возраста, вся их одежда состоит из худи, оверсайз и штанов, которые – я уверен – прошли огонь и воду. Они могут обнять родного человека просто потому, что захотелось и не спрашивать “а можно ли?..”. И по этим ребятам сразу видно – их не учили команде “фас”. Они просто знают, что родня важнее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.